

Наконец-то добравшись до безлюдного места, Се Цинхун наконец с облегчением выдохнул и отпустил его. Лэн Исюань выглядел крайне неодобрительно, его мужественные брови сошлись на переносице:

— Зачем ты не дал мне преподать урок этой женщине?!

Заметив, что вокруг никого нет, Се Цинхун мягко обнял его за шею:

— Потому что я не хочу, чтобы ты тратил внимание на посторонних людей, мне будет неприятно.

Лэн Исюань на мгновение лишился дара речи, оба его уха покраснели. Иметь парня, который так любит капризничать, — это, пожалуй, невероятное счастье.

— ...Ну хорошо, я не буду обращать на неё внимания, но велю кому-нибудь разобраться с ней, так ведь сойдёт?

— Угу, во всяком случае, запрещаю тебе интересоваться другими. Пойдём, отправимся в музыкальный класс, я хочу услышать, как ты споёшь для меня «Признание».

Хотя в этой песне и выражались те слова, которые хотел сказать сам Се Цинхун, он неожиданно для себя желал, чтобы её исполнил именно Лэн Исюань.

Лэн Исюань кивнул с таким видом, будто с ним просто невозможно справиться: хотя он не любил петь, ради Се Цинхуна он был готов на всё, лишь бы тот этого захотел.

Чистые звуки пианино тихо поплыли в воздухе. Эта песня называлась «Признание» и, как следовало из названия, представляла собой любовное признание Се Цинхуна Лэн Исюаню. Когда Лэн Исюань услышал её впервые, у него буквально кружилась голова: по одним только этим строчкам он чувствовал искренние чувства Се Цинхуна, как же тут было не радоваться? Глубокий и бархатный голос Лэн Исюаня зазвучал под аккомпанемент фортепиано:

Первая встреча —

И сразу хочется быть ближе к тебе,

Но боюсь, что ты сочтёшь меня назойливым.

Я пытаюсь казаться равнодушным, приближаясь к тебе,

Но разве справишься с трепетом юного сердца?

Что должно случиться, чтобы в твоих глазах был только я?

Что должно произойти, чтобы ты позволил мне быть рядом?

Как распахнуть твоё сердце, чтобы ты принял мою любовь?

О~ я всегда такой ненасытный.

Постепенно мы сближаемся всё сильнее,

Я смотрю тебе в спину,
Желая протянуть руку и коснуться тебя.
Бесчисленное множество раз я признавался в любви про себя,
Но боялся, что ты обернёшься — и исчезнешь.
Что нужно сделать, чтобы ты бросил на меня взгляд?
Что нужно сказать, чтобы ты выслушал слова моей любви?
На что решиться, чтобы ты захотел пройти со мной рука об руку до седин?
О~ я всегда такой ненасытный.

Твой глубокий взгляд не позволяет мне всё понять,
Твои безразличные губы внушают такой страх,
Твоя высокая фигура заставляет меня не сметь приблизиться ни на шаг,
Твои широкие ладони пугают меня своей недоступностью,
Твоя крепкая грудь заставляет меня забыть обо всём,
Твои нежные слова заставляют меня погружаться в бездну всё глубже.
Что нужно сделать, чтобы ты бросил на меня взгляд?
Что нужно сказать, чтобы ты выслушал слова моей любви?
На что решиться, чтобы ты захотел пройти со мной рука об руку до седин?
О~ я всегда такой ненасытный.

Пение смолкло, звуки пианино постепенно затихли. Оба переглянулись, и в их глазах плескалась глубокая, переполняющая любовь. Лэн Исюань не удержался, шагнул вперед, склонился и запечатлел нежный, полный любви поцелуй на лбу Се Цинхуна. Если бы время могло остановиться, он бы хотел навеки застрять в этом счастливом мгновении.

Пэнг-пэнг-пэнг! Разноцветные фейерверки разорвались в ночном небе — наступил первый день нового года. Они сидели, тесно прижавшись друг к другу в объятиях, смотрели на далёкие салюты и вместе встречали этот прекрасный новый день.

С легкой подачи Лэн Исюаня, чья рука приложилась к делу, руководство академии, и без того относившееся к Го Пинтин предвзято, приплюсовало к этому доказательства её неоднократных нарушений школьных правил и окончательно отчислило её. Ни одно учебное заведение не желало принимать студентку, изгнанную из Академии Тяньду, а это означало, что дальнейший жизненный путь Го Пинтин будет невероятно тяжёлым.

— Хозяин, не теряй бдительности: обладающая ореолом Мэри Сю Го Пинтин не затихнет вот так просто, — напомнила Система.

Се Цинхун кивнул: разумеется, он не собирался недооценивать никого, особенно людей отчаявшихся и злобных. К сожалению, он всё же недооценил скорость, с которой действовала Го Пинтин. Она неожиданно быстро сумела подружиться с сыном одного из влиятельных политических деятелей, причем этот влиятельный человек приходился заклятым врагом семье Лэн. С превеликим удовольствием она выложила припасённые у неё фотографии интимного характера, на которых были запечатлены Лэн Исюань и Се Цинхун.

На Континенте Тяньду терпимость к чувствам между мужчинами была крайне низкой, к тому же подобное не признавалось законом, так что всё это вполне могло сойти за грандиозный скандал. Го Пинтин яростно провела ногтем по лицу Се Цинхуна на снимке: На этот раз я непременно сделаю так, чтобы вы никогда не поднялись со дна!

Вскоре эти фотографии разошлись по сети. Сперва пользователи не догадывались, чьи это лица, пока не объявился некий самозванный инсайдер и не слил информацию: оказалось, что на снимках запечатлены сыновья президента и высокопоставленного чиновника. Тут-то разразилась настоящая буря, и притом с подачи заинтересованных лиц острее критики направилось уже не только на самих парней, но и напрямую на стоящие за ними семьи, в особенности на президента Лэна.

В доме семьи Лэн отец швырнул пачку фотографий прямо в лицо стоявшему на коленях Лэн Исюаню, его руки дрожали от гнева:

— Я отправил тебя в школу учиться, и вот чему ты там научился?!

Старший брат Лэн Исюаня не выдержал и попытался смягчить удар:

— Младший брат еще молод, его легко сбить с толку...

Не успел он договорить, как упрямо вскинувший подбородок Лэн Исюань перебил его:

— Нет! Мы любим друг друга по-настоящему!

Отец Лэна прищурился:

— Настоящая любовь? Какая еще настоящая любовь между двумя мужчинами, просто блажь да диковинка. А семья Се поистине удивила меня: надо же было вырастить такую блудливую тварь, и это при том, что они вечно кичатся чистотой своего семейного воспитания!

Стоило Лэн Исюаню услышать, как отец перекладывает всю вину на Се Цинхуна и при этом беспрестанно унижает его, как он окончательно потерял самообладание:

— Я сам люблю его! И это я его соблазнил, можете проверить!

Отец Лэна глубоко вздохнул и, видя, что тот упорствует в своем безумии, решил, что больше не стоит церемониться и можно пустить в ход крайние меры:

— Эй там, заprite второго господина! Ему будут приносить еду, но в остальном запрещаю выпускать его из комнаты даже на шаг!

— Отец! — Лэн Исюань широко распахнул глаза, пытаясь сопротивляться, но кто-то ударил его ребром ладони по затылку, и он потерял сознание, рухнув на руки подоспевших людей.

— Отец, это... разве так можно?.. — Старший брат всегда страстно баловал Лэн Исюаня и

теперь просто не мог смотреть на его страдания.

— Замолчи! Вы все его избаловали! — Отец Лэна яростно зыркнул на него. — Я отправлюсь к старому лису из семьи Се, мы всё обсудим и решим, что делать дальше. То, что произошло на этот раз — уже не просто их личное дело. Кто-то явно плетет интриги за нашими спинами, желая сокрушить кланы Лэн и Се, так что им в любом случае не суждено быть вместе!

Старшему брату оставалось лишь захлопнуть рот и умолкнуть. Похоже, младшему брату предстояло испытать горькую чашу.

На стороне семьи Се дела обстояли не лучше. Госпожа Се прижимала к себе младшего, самого любимого сына и безутешно плакала: ударить его было нельзя, выругать — тоже. На душе у Се Цинхуна скребли кошки: скандал грянул слишком стремительно, он совершенно не успел подготовиться к отпору, а в нынешнем положении всё зашло слишком далеко, и добром это явно не кончится. В комнату вошел отец Се, только что завершивший разговор с президентом Лэном. Глядя на убитых горем домочадцев, он тяжело вздохнул:

— Завтра же отправим Цинхуна на Континент Ролан.

Се Цинхун остолбенел и не успел вымолвить ни слова, как мать опередила его:

— Старик, ты в своем уме?! Как ты можешь отправлять моего драгоценного сына в такую глушь в одиночку, разве так можно!

— Придется, нравится тебе это или нет. Это лучший выход. Цинхун, не вини отца... ох... — Отец Се тяжело вздохнул, из-за дел своих детей он извёл все нервы.

Глаза Се Цинхуна слегка повлажнели: он разочаровал семью, но он не мог потерять Лэн Исюаня.

— Папа... я... да как я могу винить тебя, я просто... я ведь правда очень сильно люблю Лэн Исюаня...

Отец Се погладил его по голове:

— Я знаю, я всё знаю, Цинхун всегда был хорошим ребенком. По правде говоря, папа вовсе не против ваших чувств, но раз уж мы зашли так далеко, ради тебя самого и ради Лэн Исюаня ты обязан уехать отсюда и больше не встречаться с ним. Пока ты не уедешь, семья Лэн будет держать его взаперти. Человек день-другой посидит в заточении — еще куда ни шло, но если держать взаперти долго, боюсь, этого никто не выдержит...

Сердце Се Цинхуна сжалось: он и не думал, что семья Лэн окажется так жестока к Лэн Исюаню. Он опустил голову, слезинки падали на пол одна за другой, и лишь спустя долгое время он молча кивнул. Мама Се не выдержала, крепко обняла его и горько зарыдала: ведь сын семьи Лэн тоже виноват, почему же расплачиваться за всё должен её любимый мальчик? Ему же всего девятнадцать, он ещё совсем ребёнок.

Старший брат нахмурился, а сидевшая в стороне вторая сестра Се уже выплакала все глаза. Эту ночь оба клана — и Лэн, и Се — провели в тяжёлых муках.

— Хозяин... — тоненьким голоском позвала Система. Видя, как сильно страдает хозяин, она и сама словно зависла, во всяком случае, ей было невероятно тяжело.

Се Цинхун тихонько угукнул, сидя у окна и глядя куда-то вдаль. Усѣпшав, что Система замолкла, он повернул голову и протянул руку, чтобы коснуться светящегося сгустка:

— Что такое, говори.

Система помедлила секунду-другую и произнесла:

— С того самого момента, как ты ступишь на Континент Ролан, у тебя останется два года. Все эти два года ты будешь полностью отрезан от любых связей с Лэн Исюанем — вплоть до самой своей... смерти...

— Где будет Лэн Исюань? — предельно спокойно поинтересовался Се Цинхун. К собственной неминуемой смерти он уже был готов: в конце концов, иначе какой же он Белый Лунный Свет, а не воплощение вечной любви?

— Он... чтобы снова получить возможность быть с тобой, он ушел в армию. Хотя там на каждом шагу таятся смертельные опасности, это самый быстрый путь к повышению. К тому же за последние годы позиции семьи Лэн в армии были слабоваты, поэтому они оказали ему колоссальную поддержку, — Система говорила всё тише и тише, смертельно боясь огорчить хозяина еще сильнее.

На лице Се Цинхуна промелькнула слабая улыбка:

— Ну и отлично. Раз уж Исюань так старается, я тоже не могу сидеть сложа руки. Я хочу оставить ему что-то на память, чтобы он мог помнить меня...

Се Цинхун слов на ветер не бросал: за эти два года он сочинил множество фортепианных произведений, среди которых наибольшую известность приобрела трилогия «Звѣздное небо». Эту музыку он написал специально для Лэн Исюаня, в честь их любви. Первая часть «Звѣздного неба», также известная как «Утренняя звезда», звучала прекрасно и ярко, указывая людям путь — точно так же, как их первая встреча была прекрасна и полна надежд; вторая часть звалась «Сияющая галактика» и с помощью ослепительных переливов красок описывала всю сладость любви; третья же часть, «Падающая звезда», предвещала их разлуку: их любовь была подобна падающей звезде — вспыхнув на мгновение ослепительным блеском, она тихо скатывалась вниз, но при этом навсегда врезалась в сердце любимого человека и уже никогда не исчезла бы.

Лишь незадолго до своей кончины Се Цинхун вышел на сцену, чтобы исполнить это гениальное творение. Глубокие эмоции проникали в душу каждого слушателя, заставляя людей смеяться и плакать вместе с переливами клавиш, благодаря чему это выступление стало поистине легендарным, неповторимым шедевром.

Се Цинхун лежал на больничной койке, чувствуя, как его жизнь медленно угасает капля за каплей. Перед смертью он даже нашел в себе силы мягко улыбнуться и утешить рыдающих членов семьи, надеясь, что впредь у них всё будет хорошо. Однако его затуманенный взгляд был устремлен в сторону Континента Тяньду — казалось, преодолевая любые преграды, он смотрит на того, кого любил всем сердцем. В конце концов, он так и не дождался своего возлюбленного. Чистая слеринка сорвалась с уголка его глаз, и он с тихим сожалением сомкнул веки, поставив точку в этой трогательной до боли истории любви своей молодой жизнью.

В тот день бесчисленные поклонники возносили молитвы за него. Жители Континента Ролан отличались широтой взглядов на однополые союзы и даже узаконили однополые браки,

поэтому прошлое Се Цинхуна не только не вызывало у них отторжения, но напротив, пробуждало глубочайшее сочувствие. А теперь гибель столь выдающегося музыкального гения ради любви, возвращение в объятия Бога Смерти вознесло его образ едва ли не до божественного уровня. Люди по всему миру оплакивали его в интернете и в реальной жизни самыми разными способами, выражая свою бесконечную любовь и благоговение.

<http://bllate.org/book/25372/3025035>